

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930

От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шелкового пути»: полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.)

*Борис Ванданович Базаров¹,
Дамдин Доржиевич Бадараев²,
Александр Борисович Базаров³,
Александр Дмитриевич Гомбожапов⁴,
Виктория Очировна Намжилова⁵,
Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов⁶,
Цэндмаа Энхчимэг⁷*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор социологических наук, директор

 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

UDC 930

From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Field Results of the Interdisciplinary Expedition of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS in the PRC (August 2025)

*Boris V. Bazarov¹,
Damdin D. Badaraev²,
Alexander B. Bazarov³,
Alexander D. Gombozhapov⁴,
Victoria O. Namzhilova⁵,
Chingis Ts. Tsyrenov⁶,
Tsendmaa Enkhchimeg⁷*

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Scientific Advisor

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Director

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

стажер-исследователь

Intern Research Associate

 0000-0001-5248-3583. E-mail: sasha.bazarov.97[at]bk.ru

⁴ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

⁴ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат исторических наук, заведующий

Cand. Sc. (History), Head of Department

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh[at]gmail.com

⁵ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

⁵ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (Economic Sciences), Senior Research Associate

 0000-0001-7362-4701. E-mail: dayavika[at]yandex.ru

⁶ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

⁶ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

⁷ Институт истории и этнологии МАН (д. 13, пр. Энхтайван, Баянзурхский район, 13330 Улан-Батор, Монголия)

⁷ Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (13, Enkh-taivan Ave., Bayanzurkh District, 13330 Ulaanbaatar, Mongolia)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Academic Secretary

 0000-0002-6346-3016. E-mail: rigvady[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа, 2025

© Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa, 2025

Аннотация. *Цель* исследования — на основе материалов международной полевой экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН и партнеров в КНР (10–25 августа 2025 г.) показать, как историческая инфраструктура Великого Чайного пути (финансовые институты шаньсийских купцов, логистические узлы, административные практики Цин) соотносится с современными формами репрезентации и проектами Монгольского коридора «Нового

Шелкового пути». *Материалы и методы.* Эмпирическую базу составили сводные полевые записи по маршруту Чжанцзякоу – Тяньцзинь – Тайюань – Цисянь – Пинъяо – Пекин – Хух-Хото – Баотоу – Уланчаб, музейные коллекции и городские пространства, деловая документация и визуальные источники. Применены методы включенного наблюдения, историко-источниковедческого и текстологического анализа, картографической привязки полевых точек к историческим трассам, сравнительного анализа исторических и современных логистических и финансовых решений. *Результаты.* Зафиксированы полевые свидетельства функционирования шаньсийских протобанков и переводных векселей, реконструированы ключевые элементы инфраструктуры караванной торговли и их современная музейная и урбанистическая репрезентация; показано формирование сетей академического и экспертного сотрудничества, ориентированных на изучение исторических и современных экономических коридоров. *Выводы.* Материалы экспедиции подтверждают продуктивность аналитической модели «финансы – логистика – администрирование» для интерпретации механики Великого Чайного пути и демонстрируют потенциал сопоставления исторических узлов с трассировкой Монгольского коридора «Нового Шелкового пути»; обосновывается необходимость дальнейших комплексных исследований, включая южнокитайские регионы происхождения чаев, для более полной реконструкции транзитных связей России, Монголии и Китая. **Ключевые слова:** Великий Чайный путь, Монгольский коридор, шаньсийские купцы, логистика Цин, Баотоу, Чжанцзякоу, Тяньцзинь, музейные источники, полевые исследования

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проектов «От Чайного пути к Монгольскому коридору „Нового Шелкового пути“: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая» (№ 24-48-03025); «Наследие Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139). Авторы выражают признательность коллегам из КНР и Монголии, а также администрациям и сотрудникам музеев и исследовательских центров по маршруту.

Для цитирования: Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа. От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шелкового пути»: полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.). // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 525–545. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

Abstract. *The aim* of this study is to use materials from an international field expedition conducted by the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (IBMT) SB RAS and partners in China (August 10–25, 2025) to demonstrate how the historical infrastructure of the Great Tea Road (financial institutions of Shanxi merchants, logistics hubs, and Qing administrative practices) relates to contemporary forms of representation and projects of the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”. *Materials and Methods.* The empirical base consisted of consolidated field notes along the route Zhangjiakou – Tianjin – Taiyuan – Qixian – Pingyao – Beijing – Hohhot – Baotou–Ulanqab, museum collections and urban spaces, business documentation samples, and visual sources. Participant observation, historical source and textual analysis, cartographic mapping of field points to historical routes, and a comparative analysis of historical and contemporary logistical and financial decisions were used. *Results.* Field evidence of the functioning of Shanxi proto-banks and bills of exchange were recorded, key elements of the caravan trade infrastructure and their modern museum and urban representation were reconstructed, and the formation of academic and expert collaboration networks focused on the study of historical and contemporary economic

corridors was demonstrated. *Conclusions.* The expedition materials confirm the effectiveness of the “finance-logistics-administration” analytical model for interpreting the mechanics of the Great Tea Road and demonstrate the potential of comparing historical nodes with the route of the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”. The need for further comprehensive research, including the southern Chinese regions of tea origin, is substantiated for a more complete reconstruction of the transit links between Russia, Mongolia, and China.

Keywords: Great Tea Road, Mongolian Corridor, Shanxi merchants, Qing logistics, Baotou, Zhangjiakou, Tianjin, museum sources, field research

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation: project no. 24-48-03025 “From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Historical Projections and Modern Interactions of Russia, Mongolia and China”; the expedition included a participant in project no. 23-78-10139 “The Legacy of the Mongol Empire and Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia”. The authors express their gratitude to their colleagues from China and Mongolia, as well as to the administrations and staff of the museums and the research centers along the route.

For citation: Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa. From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Field Results of the Interdisciplinary Expedition of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS in the PRC (August 2025). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 525–545. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

1. Введение

Институциональная и материальная история Великого Чайного пути на пересечении России, Монголии и Китая предоставляет уникальный материал для сопоставления исторических торгово-логистических путей с современными проектами трансграничной связности. Полевая экспедиция Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (10–25 августа 2025 г.) была специально нацелена на сбор «коротких» первичных свидетельств (музейные и городские локации, локальные деловые и административные практики, свидетельства городской топографии, контакты с исследовательскими центрами), необходимых для последующей верификации архивными фондами и статистикой. Экспедиция была реализована в рамках проектов Российского научного фонда № 24-48-03025 и № 23-78-10139.

Цель статьи — систематизировать маршрут и результаты экспедиции по тематическим узлам и обозначить аналитические перспективы:

- 1) финансовая и организационная инфраструктура торговли (купечество Шаньси, вексельные практики);
- 2) роль администрации династии Цин в настройке внутренне- и внешне-торговых цепочек;
- 3) исторические торговые ландшафты и их современная реинтерпретация (музейные и городские пространства);
- 4) сопряжение исторической географии Чайного пути с современными проектами Монгольского коридора.

В качестве базовых источников для сопоставления используются классические исследования русско-китайской торговли через Кяхту [Шишмарев 1886; Силин 1947; Сладковский 1974; Хохлов 1989; Субботин, 1892], работы по административной архитектуре поздней империи Цин (включая практики ямской /

уртонной / почтовой службы и компетенции Лифаньюаня) [Schorkowitz, Chia 2017], а также исследования по шаньсийским «*riàohào*» как институту перевода средств и управления рисками на длинных сухопутных маршрутах [Ji 2003].

Для картографической увязки полевых точек и исторических трасс использованы опубликованные исторические описания путей и локальных торговых узлов (Калган – Урга – Кяхта), что позволяет корректно соотносить музейные и городские наблюдения с ключевыми экономико-географическими линиями эпохи [Мишакова 2011; Yanagisawa 2019].

Эмпирическая база — сводные полевые записи в ходе экспедиции с фиксацией маршрута, контактами с научными коллективами, посещенными музеями и исследовательскими центрами, а также отмеченными материальными свидетельствами торговых практик (документальные образцы, экспозиции, городской «наслаивающийся» ландшафт торговли и логистики). Сводка содержит последовательные отчеты по этапам: Чжанцзякоу (10–11 августа), Тяньцзинь (12 августа), провинция Шаньси: Тайюань – Пинъюань (14–17 августа), Пекин (18–20 августа), Автономный район Внутренняя Монголия: Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб (21–24 августа). Дополнительно можно применить «типологию городов маршрута»: пограничный транзитный узел сухопутной торговли (Чжанцзякоу), морской договорный порт (Тяньцзинь), купеческо-финансовый кластер шаньсийцев (Тайюань – Пинъюань), столичная административная цепка (Пекин) и степные центры позднеимперского и индустриального освоения (Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб).

2. Чжанцзякоу (Калган, провинция Хэбэй)

Точка старта — исторический узел Великого Чайного пути, связанный с караванной торговлей и пограничной инфраструктурой. Осмотры включали городской музей, исторический центр, участок Великой стены у ворот Дацзинмэнь и монастырь Юньцюань-сы; исследовательская задача — оценить роль пограничной заставы и актуальное место города в экономике Северного Китая.

Карта «Великого тракта Чжанцзякоу (Калган) – Урга» (кит. 张库大道 *zhāng kù dàdào*, монг. *Жанчхүү-Хүрээ чөлөө*) 1927 г. отражает один из важнейших сухопутных маршрутов, связывавших Северный Китай с Монголией (фото 1). На схеме показан путь от города Чжанцзякоу (кит. 张家口 *zhāngjiākǒu*, пров. Хэбэй) до Кулунь (кит. 库伦 *kùlún*, современный г. Улан-Батор), а также промежуточные станции и расстояния между ними, представленные в таблице (табл. 1). В нижней части карты приведена условная легенда с обозначениями дорог, рек, горных хребтов и административных границ.

Особый интерес представляет перечень почтовых станций (кит. 驿站 *yìzhàn*), где указывались расстояния в верстах — ли (примерно полкилометра) между отдельными пунктами. Это свидетельствует о высокой степени организации караванного движения: путь делился на четко фиксированные этапы, что облегчало перемещение торговых караванов, военных отрядов и почтовых служб. Отдельно обозначены традиционные монгольские административные единицы — Чахар, Тушэту-хан и Сайн-нойон-хан, что отражает сохранявшуюся в тот период структуру местного управления.

Карта 1927 г. имеет не только топографическое, но и важное экономико-историческое значение: она фиксирует состояние торгово-транспортной инфраструктуры накануне глубоких трансформаций, связанных с развитием железнодорожного сообщения в Северо-Восточной Азии.

Таблица 1. Расстояния между почтовыми станциями и поселениями вдоль тракта Чжан-Ку

[Table 1. Distances between postal stations and settlements along the Zhang-Ku highway]

Начальный и конечный пункты (почтово-грузовые станции)	Расстояние в верстах (кит. 里 lǐ, lì, около 0,5 км)
Чжанцзякоу (张家口) → до Дацзинмэнь (кит. 大境门, «Врата Великой границы»)	20 ли
Дацзинмэнь (大境门) → до уезда Хуайлай (怀来).	120 ли
Уезд 怀来 (Хуайлай) → до уезда Сюаньхуа (宣化)	100 ли

Фото 1. «1927 год, карта тракта Чжанцзякоу-Кулунь», схема дороги между Северным Китаем (Чжанцзякоу, пров. Хэбэй) и Монголией (Улан-Батор), важный отрезок Чайного пути. Далее станции: Сяхуаюань (下花园), Душикоу (独石口), Долон (多伦), Шилингол (锡林郭勒) и так вплоть до современного Улан-Батора (кит. 库伦). Источник: сфотографировано авторами в музее города Калган (张家口博物馆)

[Foto 1. «1927, map of the Zhangjiakou-Kulun highway», diagram of the road between Northern China (Zhangjiakou, prov. Hebei) and Mongolia (Ulaanbaatar), an important segment of the Tea Route. Next stations: Sahuagin (下花园), Desico (独石口), Dolon (多伦), Xilingol (锡林郭勒), and so up-to-date Ulaanbaatar (chin. 库伦)]

Дополнительно зафиксированы элементы городской памяти о транзитной функции Калгана: локальные нарративы о верблюжьих караванах к Урге / Кяхте, визуальные реконструкции «караванной» городской экономики и связи «пограничная застава – ярмарка / склад – постоя / почтовая станция». По материалам музея и беседам с исследователями уточнены практики охраны и пропуска, что перекликается с описаниями в русской и китайской исторической литературе о сезонах прохода, структуре сборов и распределении ролей между военными и гражданскими структурами [Силин 1947: 39–101; Сладковский 1974: 42–75]. Для последующего анализа выделены три «узла памяти»: ворота Дацзинмэнь как символ контроля потоков; кварталы старого города с функциональной перегруппировкой складских и торговых помещений; музейные стенды по связи Калгана с линией Пекин – Урга – Кяхта.

Основанный в 1429 г. в период правления императора Сюаньдэ династии Мин как военное укрепление, крепость Чжанцзякоу (фото 2) входила в оборонительную систему Сюаньфу и выполнял функции стратегической пограничной крепости. Город также играл важную роль в меновой торговле кочевников с китайскими крестьянами. Уже к концу династии Цин и в начале периода Республики Китай город имел устойчивую улично-планировочную структуру и стал опорным пунктом внешнеэкономических связей Северного Китая и Монголии.

На территории крепости Чжанцзякоубао 张家口堡, занимающей 23 гектара (550 м с востока на запад и 374 м с севера на юг), сохранилось 478 дворовых комплексов времен Мин, Цин и Республики, из которых 33 находятся под государственной охраной. В архитектурном облике Чжанцзякоу прослеживаются как традиционные китайские формы (башни, жилые дворы, протобанки-пяохоа), так и следы западного влияния, выразившиеся в появлении иностранных банков и торговых контор в начале XX в.

3. Тяньцзинь

Фокус города заключается в морском направлении российско-китайского взаимодействия, история инфраструктурного строительства и административные решения династии Цин по настройке торгово-логистических цепочек. Тяньцзинь исторически ассоциируется с ключевым портовым городом, соединившим южные чайные регионы страны с местным купеческим капиталом. Формирование договорного союза купцов «юга» и «севера» впоследствии обеспечило планомерное выстраивание логистических транспортных маршрутов через сухопутные пути для продвижения китайского товара на крупные рынки Азии и Европы.

Полевой блок включал посещение резиденции-музея жизни последнего императора династии Цин Пу И (1906–1967), которая отражает символику завершения целой эпохи. Его биография — от правителя Поднебесной до обычного гражданина КНР — экспонируется в музейных стендах через фотографии, документы и воспоминания (фото 3). Династия Цин, к которой он принадлежал, была неразрывно связана с расцветом Чайного пути: именно в XVII–XIX вв. караванные маршруты через Чжанцзякоу обеспечивали вывоз китайского чая в Монголию, Россию и Европу, превращая этот путь в ключевую артерию евразийской торговли.

Падение монархии и последующая судьба Пу И параллельны упадку традиционной чайной торговли. Если в XIX в. Цинская империя еще контролировала караванные связи, то к 1920–1930-м гг. Чайный путь утратил свое значение, уступив железным дорогам и индустриальным центрам. Таким образом, фигура

Фото 2. Дорога к павильону Юйхуангэ (кит. 玉皇阁)
Источник: сфотографировано авторами в крепости Чжанцзякоу
[Foto 2. The road to the Yuhuang Pavilion (chin. 玉皇阁)]

Пу И становится символом перехода от «чайной» имперской эпохи к новому времени, когда империя исчезла, а вместе с ней и старые формы торговли, уступив место модернизации и новым маршрутам.

Для сопоставления исторических и современных логистических схем зафиксированы три «урбанистических» слоя: договорный порт ядра Бохайского залива с институциональным наследием Иностранных концессий и Морской таможни (структуры учета, санитарного контроля и тарифной классификации грузов); железнодорожная сцепка с Пекином и северными узлами как фактор перетока потоков на сухопутные линии; современная портово-индустриальная агломерация, обеспечивающая морской выход для северокитайского внутреннего пояса. Полевые заметки по музейным экспозициям и городским пространствам позволили уточнить, как институциональные практики модернизации (санитарный режим, таможенная статистика, регулирование склада и тары) исторически сопрягались с чайными и текстильными потоками, а сегодня переосмысляются в туристическом и образовательном нарративе города.

В торговле и в налоговой системе термин 石 *dàn* (фото 4, табл. 2) обозначал количество зерна или чая, проходящее без обложения пошлиной, т. е. это своего рода квота на 免税 *miǎnshuì* (освобождение от налога).

Фото 3. Экспозиция с фотографиями и подписями, посвященными жизни последнего императора Китая Пу И (кит. 溥仪). Тексты на карточках — это хронологические заметки с датами и краткими описаниями.

Источник: сфотографировано авторами в парке Цзинъюань (кит. 静园)
Слева направо, сверху вниз:

- 1946 г., январь. Пу И как свидетель на Токийском процессе
- 1959 г., 4 декабря. Государственный совет принял решение об амнистии, и Пу И был освобожден из тюрьмы
- 1962 г., 30 апреля. Пу И с коллегами из Политического консультативного совета Китая
- 1960 г., 26 января. Пу И был приглашен на всекитайскую конференцию народных представителей (сессия в Пекине)
  - Пу И в 1945 г. в тюрьме Фушунь, беседует с надзирателем
  - Пу И беседует с друзьями во время амнистии
  - 1962 г. февраль. Пу И посещает парк в Пекине с коллегами
- Нанкинский процесс. Японские военные преступники в клетке, свидетельство
  - Фото из юности Пу И и его сестры (ок. 1943 г.)
  - Пу И сажает деревья вместе с коллегами
  - Пу И в библиотеке Пекина, читает газеты
  - Пу И пишет мемуары в конце 1950-х гг.
- 1945 г., 19 августа. Пу И арестован советскими войсками в аэропорту Шэньян
  - Пу И подписывает документы в 1956 г.
  - Пу И лечится в госпитале
- 1943 г. — фото Пу И и его жены, сделанное в возрасте 14 лет (школьное фото)
  - Фото жены Пу И — Вань Жун
- 1937 г., 6 апреля. Вань Жун была увезена японцами и находилась в состоянии тяжелой зависимости
- Различные фотографии 1930–40-х гг., связанные с семьей Пу И и его окружением
  - Письма и документы, написанные Пу И
  - Официальные бумаги времён его пребывания в заключении

- Фото Пу И с китайскими школьниками в 1960-х гг.

[Foto 3. An exhibition with photographs and captions dedicated to the life of the last Emperor of China, Pu Yi. The texts on the cards are chronological notes with dates and short descriptions]

From left to right, from top to bottom:

- 1946, January. Pu Yi as a witness at the Tokyo trial
- 1959, December 4. The State Council decided on an amnesty and Pu Yi was released from prison
- 1962, April 30. Pu Yi and colleagues from the Chinese Political Advisory Council
- 1960, January 26. Pu Yi was invited to the National People's Congress (Beijing session)
  - Pu Yi is in Fushun prison in 1945, talking to the warden
  - Pu Yi talks to friends during the amnesty
  - February 1962. Pu Yi is visiting a park in Beijing with colleagues
  - The Nanjing trial. Japanese war criminals in a cage, evidence
  - Photo from Pu Yi's youth and his sister (circa 1943)
    - Pu Yi plants trees with colleagues
  - Pu Yi is in the Beijing library, reading a newspaper
    - Pu Yi is writing memoirs in the late 1950s
- 1945, August 19th. Pu Yi is arrested by Soviet troops at Shenyang Airport
  - Pu Yi is signing the documents in 1956
    - Pu Yi is in hospital
- 1943 — photo of Pu Yi and his wife, taken at the age of 14 (school photo)
  - Photo of Pu Yi's wife
- Wan Zhun. 1937, April 6. Wan Zhun was taken away by the Japanese and was in a state of severe addiction
- Various photographs from the 1930s and 40s related to Pu Yi's family and his entourage
  - Letters and documents written by Pu Yi
  - Official papers from the time of his incarceration
  - Photo of Pu Yi with Chinese schoolchildren in the 1960s

Зерновые суда (кит. 漕船 *cáochuán*) перевозили налоговое зерно по Великому каналу из южных провинций в столицу (Пекин). Чтобы стимулировать перевозки и покрывать расходы купцов, государство разрешало определенное количество грузов провозить без пошлин 免税 *miǎnshuì* — т. е. за эти объемы не брали пошлину.

Эти объемы 免税 *miǎnshuì* фиксировались в данях (кит. 石 *dàn*), и цифры менялись от династии к династии (в зависимости от финансовых нужд государства и экономической политики). В разные годы правительство регулировало, какой объем зерна / чая можно провозить без налога, чтобы балансировать бюджет и торговлю.

Для купцов данные квоты были очень выгодны: они экономили большие деньги, так как пошлины на перевозки были высокими. Для государства это было и средство стимулирования торговли, и форма поощрения лояльных перевозчиков. На международных торговых маршрутах (например, через Ханькоу или Кяхту) беспошлинный режим также играл роль фактора конкурентоспособности.

4. Провинция Шаньси: город Тайюань и уезд Пинъю

Здесь экспедиция получила ключевые материалы по финансовой и организационной платформе Чайного пути: образцы трансфертных векселей (кит. 汇票 *huìpiào*), сведения о формировании чайных терминалов и караванных центров

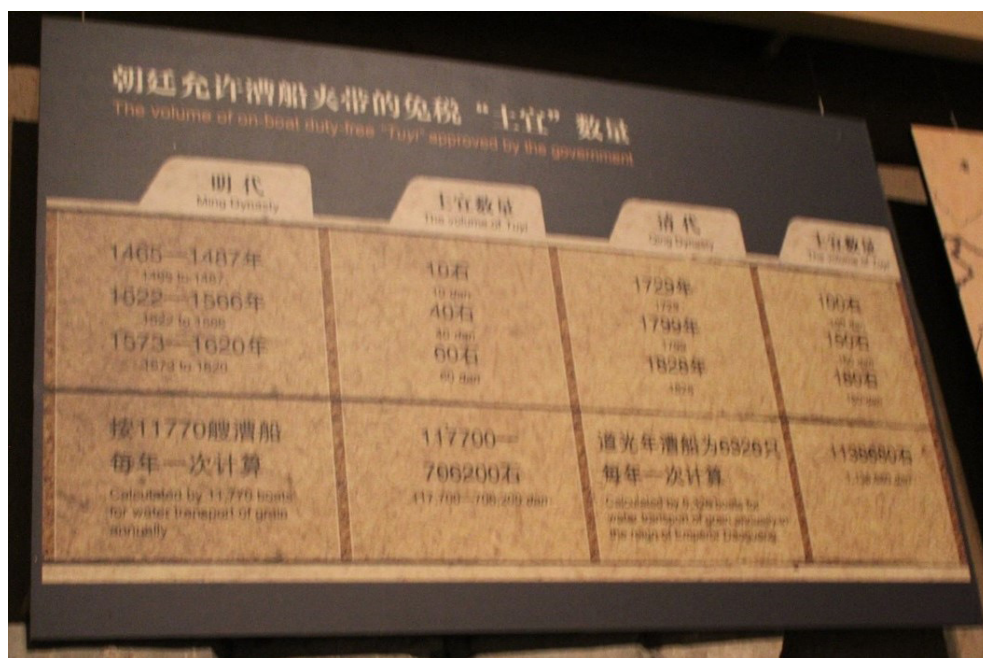
Всеобщая история

Таблица 2. Объем местных продуктов, освобожденных от налога при династиях Мин и Цин*

[Table 2. Volume of local products exempt from tax during the Ming and Qing dynasties]

Период (династия, годы)	Норма и годовой объем освобожденных от налога товаров
Династия Мин: 1465–1487 гг. 1622–1666 гг. 1573–1620 гг.	→ 19 даней → 40 даней → 60 даней
Исчислялось по 11 770 зерновым судам в год	→ всего 11 770 –706 200 даней
Династия Цин: 1799 г. → 10 даней 1796 г. → 15 даней 1826 г. → 18 даней	→ 10 даней → 15 даней → 18 даней
В годы правления императора Даогуана дополнительно прибавлено 6 320 даней	→ всего 113 860 даней

* Подсчет велся один раз в год. Дань — мера объема сыпучих и жидких тел, равная 103,647 л [Непомнин 2005: 184–218].

Фото 4. Количество местных продуктов (кит. ту-и 土宜), освобожденных от налога для казенных зерновых судов, утвержденное двором

Источник: сфотографировано авторами в Тяньцзиньском музее

[Foto 4. The number of local products (chin. tu-i 土宜) exempt from tax for state-owned grain vessels, approved by the yard]

в Шаньси и Внутренней Монголии, а также данные о связи военной экономики Цин с концентрацией купеческого и ростовщического капитала.

Отмечены контакты с администрациями музеев и объекты традиционных производств (стеклодувное дело, мебель, лак). В Тайюане активно продвигаются товары местного производства, основы которых заложены еще в период функционирования Чайного пути. На примере усадьбы клана Цяо (Qiao Family Courtyard Park), расположенной в пригородном уезде, запечатлен образец сохранения и реконструкции величия шаньсийского купечества цинского периода и развития на его основе современного туристического кластера провинции с использованием чайной тематики. Город Пинъюо как финансовая столица Чайного пути с 400-летней историей привлекает особое внимание со стороны исследователей и туристов. Здесь заложены основы банковской вексельной системы. Восстановленные за последние годы объекты архитектуры города Пинъюо стали популярными туристическими объектами провинции Шаньси. В пределах относительно небольшого древнего города реконструированы музеи, купеческие дома, торговые лавки, смотровые площадки, здесь широко представлена уличная торговля и местная гастрономическая кухня и т. д. Зафиксированы наблюдения высокого уровня инфраструктуры, агрокультуры, переработки и энергоснабжения.

В «Записках об уезде Фэньян», составленных в середине XIX в., провинция Шаньси описана следующим образом: *«В Цзинь (территория современной провинции Шаньси) климат холодный, а земля бедная. Мало животных, людей много, а земли мало. Урожаи небольшие, не хватает гаоляна, пшеницы, проса, сои. Кроме того, все, что необходимо для повседневной жизни, приходится привозить из далеких краев»* [Лю 2009: 68–69]. В таких суровых условиях одним из главных занятий для жителей Шаньси стала посредническая торговля между Северным и Южным Китаем. Шаньсийцы скупали шелк в Ханчжоу (юго-восточная провинция Чжэцзян), чай и сахар — в Ханькоу (совр. г. Ухань, провинция Хубэй), лиановое полотно — в провинции Сычуань. Благодаря смелости, смекалке и умению приспосабливаться к обстоятельствам шаньсийские купцы создали целую сеть торговых путей и филиалов по всей Поднебесной. Главным из них был чайный торговый маршрут из Южного Китая, по реке Ханьшуй (северный приток реки Янцзы), через земли провинции Шаньси, через степи и пустыни Монголии в Сибирь, Москву и Санкт-Петербург.

Особую ценность в г. Тайюань представляет Музейный комплекс «Усадьба клана Цяо» (кит. 乔家大院 qiáo jiā dàyuàn). Данная усадьба принадлежала шаньсийскому чайному магнату Цяо Чжиюну (кит. 乔致庸 qiáo zhì yōng) из уезда Цисянь, внуку простого погонщика верблюдов, основавшего торговую династию Цяо [Усадьба 2013]. Примечательно, что в данной усадьбе были сняты десятки китайских исторических сериалов об эпохе Цин, так как своей роскошью она соперничала с Запретным городом в Пекине. Всемирную известность усадьба получила в 1991 г., после того как режиссер Чжан Имоу снял в усадьбе знаменитый фильм под названием «Зажги красный фонарь» (кит. 大红灯笼高高挂 dàhóng dēnglong gāogāo guà), повествующий о трагической истории образованной девушки по имени Сунлянь, ставшей четвертой женой китайского феодала в 1920-е гг., подробно раскрывающий коварный механизм и философию тирании. На 48-м Венецианском кинофестивале этот фильм получил «Серебряного льва» за лучшую режиссерскую работу. Всего в данной усадьбе было снято свыше 40 фильмов и телесериалов.

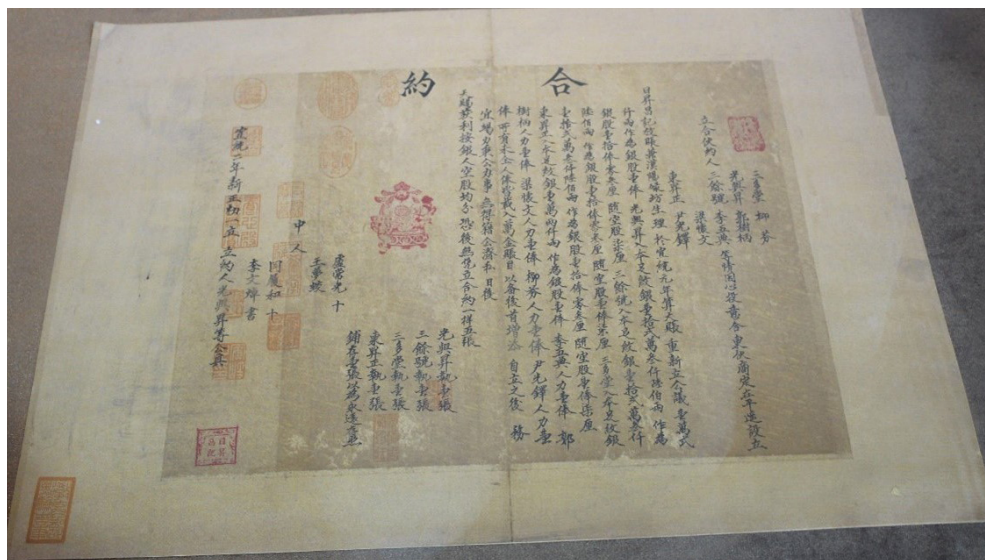

Фото 5. Экземпляр документа-соглашения о товариществе между шаньсийскими купцами. Источник: сфотографировано авторами в музее шаньсийского купечества
 [Foto 5. A copy of the partnership agreement between Shanxi merchants]

Рассмотрим типовой частный контракт поздней Цин («合約» — «договор»), представленный в экспозиции музея шаньсийского купечества (фото 5). Такие документы применялись для купли-продажи земли и домов, займов под залог, партнерств и крупных поставок. Компановка стандартная: заголовок, основная правовая формула («議定合約一紙... 其條如下» yìdìng héyuē yīzhǐ... qí tiáo rúxià), перечисление условий (цена / срок / проценты / границы), блок гарантий («如有爭訟... 不累受約人» gú yǒu zhēngsòng... bù léi shòuyuērén) и финальная часть с участниками. Вдоль левого поля — ряд красных квадратных печатей и отметок посредников и свидетелей (中人、見證 zhōng rén jiàn zhèng), подтверждавших сделку; подобные «клейма» служили и для последующей легализации на ямынях (государственное учреждение в Китае до 1949 г.).

По набору клише и по дате в конце (эра Гуансюй) документ относится к концу XIX – началу XX вв. Подобные контракты широко использовали шаньсийские купцы и торговые агенты на северокайтайских и монгольских маршрутах Чайного пути: договор фиксировал цену, сроки оборота капитала и ответственность сторон, что снижало риски транзитной торговли. Из-за старения бумаги часть иероглифов не поддается прочтению; выше дан аккуратный переписанный текст с пометками «□» в местах лакун, сохраненным историческим языком и порядком строк.

В результате первичного источниковедческого анализа и перевода было выявлено, что данный договор был подписан в 1910 г. (2-й год правления императора Сюаньтуна):

合約
 今有立約人□□□與受約人□□□，就□□事議定合約一紙。其條如下：
 一、所涉□□（田產/貨物）在□□□，界至：東至□□，西至□□，南至□□，北至□□。

- 二、價銀共計□□兩，當面收訖，永不反悔。
 三、期自光緒□□年□□月起至□□年□□月止；屆期清還，仍付息銀每月□□（如有）。
 四、此約經中人□□□、見證□□□在場押記；日後若有爭訟，由立約人自出首理斷，不累受約人。
 五、此約一紙，雙方各執一份，永遠為據。

右立合約

立約人□□□ 押

受約人□□□ 押

中人□□□ 押

見證□□□ 押

光緒□□年□□月□□日

«ДОГОВОР (合約)

Настоящим заключен один экземпляр договора между Стороной-1 (□□□) и Стороной-2 (□□□) по делу о □□. Условия:

1) предмет договора — □□ (земельный участок / товар), расположенный в □□□; границы: на востоке — □□, на западе — □□, на юге — □□, на севере — □□.

2) цена составляет □□ лянов серебра; сумма получена при подписании, отступлений и отмен не будет.

3) срок действия — с □□ года Гуансюя, □ месяца, по □□ год, □ месяца; по истечении срока производится полный расчет; при наличии — выплачиваются проценты в размере □□ в месяц.

4) в присутствии посредника (中人) □□□ и свидетелей □□□ проставлены печати; в случае спора истцом выступает Сторона-1, Сторона-2 ответственности не несет.

5) договор составлен в одном экземпляре; каждая сторона хранит по копии, подлежит постоянному исполнению.

Подписи / печати: Сторона-1, Сторона-2, посредник, свидетели.

Дата: □□ год правления Гуансюя, □ месяца, □ день».

Дополнительно зафиксированы финансовые практики шаньсийских протобанков (Жишэнчан 日升昌, Сетунцин 协同庆) как института безналичных расчетов на длинных сухопутных трассах: показаны внутренние регистры, коды филиалов, процедуры верификации и кассового контроля, а также долговые расписки, привязанные к сезонности чайной торговли. По музейным материалам и консультациям подтверждается, что к концу XIX в. действовало около трех десятков шаньсийских домов-пяохао с широкой сетью филиалов, выполнявших как коммерческие, так и казенные переводы (в том числе для гарнизонов и провинциальных казначейств), что снижало транзакционные издержки и риски оборота серебра на северных маршрутах [Ji 2003: 84–128].

На фото 6 представлен переводной вексель (хуэйпяо) как один из образцов данной практики; расположение основных элементов документа детализировано в табл. 3.

Основной текст внутри рамки:

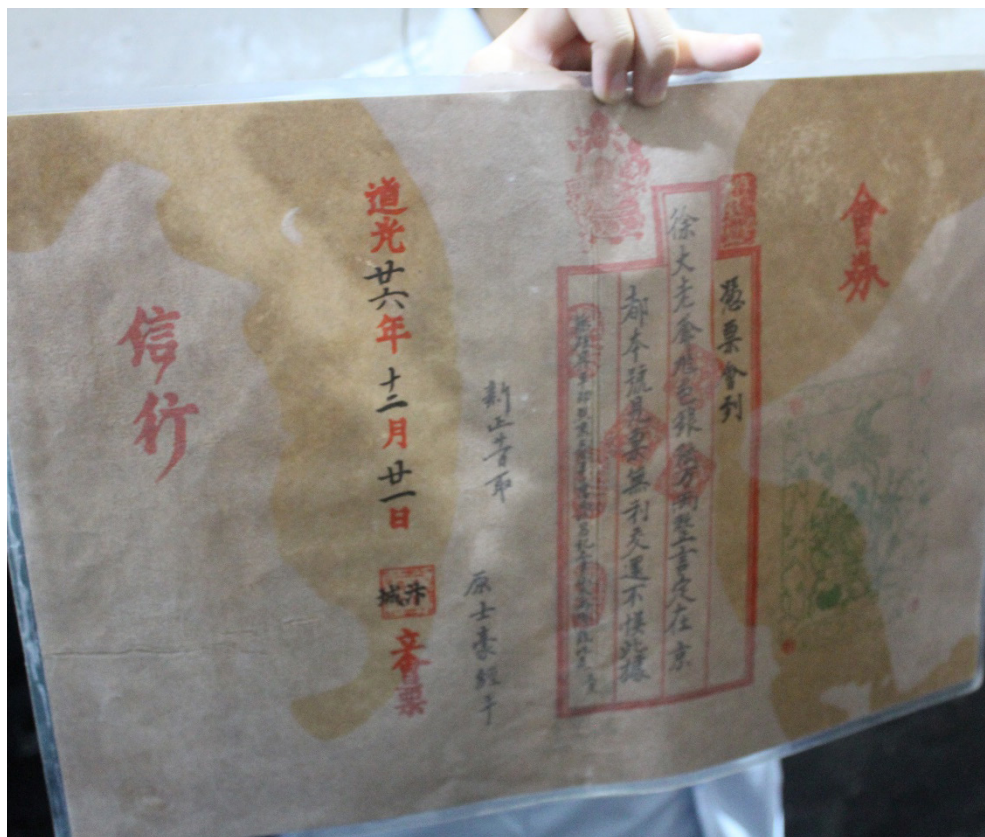

Фото 6. Лицевая сторона векселя с зашифрованной информацией о сумме перевода.
 Источник: сфотографировано авторами в музее торгового дома Жишенчан в г. Пинъюань
 [Foto 6. The front side of the bill with encrypted information about the transfer amount]

«По предъявлении данного билета производится расчет / перевод. По распоряжению старшего управляющего (大老 dàlǎo) надлежит выплатить серебро стандартной пробы в сумме [неразборчивая величина] лянов, место платежа — столица (Пекин).

Настоящий билет: при предъявлении проценты не начисляются; после оплаты подлежит возврату; оспариванию не подлежит (настоящее служит подтверждением)».

Служебные пометки:

- «Обработал / исполнитель» (подписи-надписи), «контрольная печать(и)».
- Дата: «21-й день 12-го месяца 26-го года правления Даогуана» (= 21 декабря 1846 г. по солнечному календарному соответствию).
- Боковая красная отметка: «Снято из обращения / прекращено хождение».

Таблица 3. Расположение основных элементов переводного векселя*
 [Table 3. Arrangement of the main elements of the bill of exchange]

Место	Надпись
Справа, красной вязью (вне рамки)	會票 huìpiào
Внутри красной рамки (черные столбцы)	憑票會列 píngpiào huì liè

	大老** 會 dàlǎo huì [...] 名銀 míng yín [口] 兩整 言定在京 liǎng zhěng yándìng
	茲本票 zī běnpiào 見票無利 wúli 交還不悔 jiāohuán 此據 cǐ jù***
Узкий служебный столбец слева внутри рамки (мелким почерком, закрыт печатями)	經手 jīngshǒu [姓名若干 xìngmíng ruògān] / 監印 jiānyìn (圓印數方 yuán yìnshù fāng)****
Слева, красной вертикалью (дата)	道光廿六年十二月廿一日 dàoguāng – nián shí'èryuè niàn yīrì
Крупная боковая отметка слева (красной тушью)	信行***** xìnxìng – достойный доверия

* Видны несколько красных круглых печатей поверх текста и зеленый орнамент-защита справа внизу. Источник: сформировано авторами на основе фото б.

** «大老» — титул старшего управляющего пиаохао (вексельного дома).

*** Формула «見票無利 / 交還不悔此據» стандартна для векселей шаньсийских домов: оплата по предъявлению без начисления процентов; после расчета билет возвращается; документ не подлежит отмене.

**** «言定在京» фиксирует место платежа: Пекин (京 jīng).

***** «停行» ставили при погашении, истечении срока, закрытии конторы или изъятии конкретного экземпляра из оборота.

Экспедиционный этап в провинции Шаньси показал историческую роль купечества в развитии Чайного пути с его ключевыми транспортно-логистическими и финансовыми факторами. Современные проекции, отраженные в музейных экспозициях, памятных сооружениях, научной и публицистической литературе, а также в объектах бизнеса городов Тайюань и Пинъюань, демонстрируют факты ревитализации тематики Великого чайного пути при активном участии государственных структур и бизнес-сообществ. Установленные контакты с состоятельными местными жителями показали сохранность у потомков шаньсийских купцов традиционных ценностей предпринимательства с прочно заложенной финансово-материальной базой. Общение с ними показало высокую с их стороны заинтересованность в посещении городов и стран по маршруту Великого чайного пути.

5. Пекин

17 августа группа отбыла в Пекин. Рабочая программа включала встречу в Центре монголоведения Института этнологии и антропологии Китайской академии общественных наук (далее — КАОН), обмен мнениями и предварительные договоренности о сотрудничестве, знакомство с массивом профильных академических журналов. Отдельный блок — культурно-коммуникационный: чайная церемония; проект «Чай и Поднебесная»; консультации с Координационным Советом по проекту «Великий Чайный путь» при Ассоциации содействия развитию китайской культуры. Состоявшиеся переговоры и общение с представителями этих сообществ показали высокий уровень институционализации тематики Чайного пути в социокультурном и общественном укладе. Развитая сеть негосударственных общественных организаций культурной направленности характеризуется вовлеченностью государственных интересов и частных

Фото 7. Схематическая карта древних чайных гор Сишунбаньна. Источник: сфотографировано авторами в музее ассоциации «Чайный путь»

[Foto 7. Schematic map of the ancient Xishuangbanna Tea Mountains]

ресурсов. Тематика чая активно продвигается на международном уровне как неотъемлемый атрибут культурного наследия Китая.

В Музее истории чая при Ассоциации содействия развитию китайской культуры был зафиксирован яркий пример коммерциализации имени Чингис-хана как чайного бренда шаньсийской фирмы «Дашэнкуй» в виде прессованного чая сорта пуэр в форме диска (饼茶 bǐngchá).

Сишунбаньна (Юньнань) — регион происхождения пуэра и узлов Древнего Чайно-конного пути (茶马古道 chámǎ gǔdào) (фото 7). Отсюда чай шел караванами в Сычуань и Тибет и к рынкам Юньнани; далее часть грузов включалась в общеимперскую сеть перевозок по Янцзы к Ханькоу и на Север. Но данная карта показывает именно районы производства, а не длинный маршрут в Монголию / Кяхту.

Река 澜沧江 (Ланьцанцзян / верхнее течение Меконга).

Узловые «шесть знаменитых чайных гор» 六大茶山 liùdà cháshān (восточный берег Ланьцанцзяна): 攸乐 (Юлэ), 革登 gé dēng (Гэдэн), 莽枝 mǎng zhī (Манчжи), 蛮砖 mán zhuān (Маньчжуань), 倚邦 yǐ bāng (Ибан), 曼撒/慢撒 màn sā (Маньса).

Позднее сформировавшийся западный кластер (окрест 勐海 měnghǎi / Мэнхай): 南糯山 nán nuò shān (Наньношань), 布朗山 bùlǎng shān (Буланшань), 巴达山 bā dá shān (Бадашань), 贺开 hè kāi (Хэкай), 勐宋 měng sòng (Мэнсун) и др.

Торговые пункты вроде Иу (易武 yì wǔ) — главная ярмарка чая пуэр в XIX в., Цзинхун (景洪 jǐnghóng), Мэнла / Мэнхай (勐腊 Měng là / 勐海 měnghǎi) и нитки караванных троп (пунктир).

Из этих гор чай во вьюках шел к сборочно-складским центрам (Иу, Сымао, Мэнхай), далее караванами в Дали – Лицзян – Тибет и в Сычуань; часть грузов шла на речные порты Юньнани / Юго-Запада с выходом на Янцзы.

Основной поток в Кяхту исторически шел из Фуцзяни, Аньхоя, Хубэя / Сычуани (черные / кирпичные чай). Тем не менее через общекитайскую торговую сеть и банковские расчеты пяхао юньнаньский чай тоже мог попадать на северные рынки.

Осмотр Музея археологии Института истории КАОН и исторического чайного района Маляндао (исторические биржи XVIII–XIX вв., современные чайные рынки) был направлен на сопоставление исторических свидетельств формирования транзитных узлов «чайного пути» с современными формами организации оптово-розничной торговли чаем. Коллекция музея (более 6 000 уникальных артефактов) охватывает широкое разнообразие материальной культуры континентального Китая от палеолита до современности. Посещение чайного рынка и беседа с владельцами крупных оптово-розничных фирм по продаже чая позволила собрать данные о текущих тенденциях на рынке чая и заинтересованности в экспортных поставках в Россию.

В аналитическом отношении Пекин выступает как столица-«сцепка», где административные практики позднеимперского времени (включая компетенции Лифаньюаня по делам северных территорий и отношениям с Монголией / Россией) сопрягались с финансово-расчетными операциями купцов Шаньси; музейные и библиотечные фонды дают источниковую базу для сопоставления столичной регуляции транзита, почтово-ямской организации и распределения потоков между морским направлением (Тяньцзинь) и сухопутной линией на Калган / Кяхту [Perdue 2005: 547–568].

6. Внутренняя Монголия: гг. Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб

В Хух-Хото экспедиция участвовала в Международном симпозиуме по монголоведению (20–23 августа), где апробированы доклады членов экспедиционной группы и проведены многочисленные встречи с академическими центрами региона. Заключены два соглашения о сотрудничестве (с Институтом этнологии и социологии Университета Внутренней Монголии и Институтом истории науки и техники Педагогического университета Автономного района Внутренняя Монголия), предусматривающие, среди прочего, совместные исследования экономических коридоров и задачи оцифровки источников на тибетском и классическом монгольском языках.

В Баотоу (23 августа) зафиксированы примеры современной коммерциализации бренда «Чайный путь» в городской среде (историко-культурный парк «Старый город Баотоу», квартал «Баотоу цзиньцзе») и высокоинформативные музейные экспозиции о роли города в консолидации грузов шаньсийских купцов и организации верблюжьих караванов; в локальных нарративах подчеркивается связь купеческих домов Шаньси с ранней капитализацией региональной торговли, что коррелирует с известными описаниями эволюции торгово-финансовых сетей северокитайского пояса. Отдельно описаны сохраненные вывески лавок XIX в., позволяющие реконструировать ассортимент и перечень сопутствующих финансовых и страховых услуг.

В Уланчабе (24 августа) отмечена преимущество логистической функции узла: от исторической почтовой станции (уртона) Чайного пути к современному железнодорожному контейнерному хабу. Особое географическое положение Уланчаба (близость к столичному региону Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, автомобильные магистрали и железные дороги, в том числе ведущие в Монголию и далее в Россию) учитывается в стратегическом планировании логистических маршрутов современного Китая: Уланчаб позиционируется как единственный город, не являющийся административным центром провинции, откуда отправля-

ются контейнерные поезда Китай – Европа. В настоящее время при государственной поддержке активно развивается расположенный в Уланчабе индустриальный парк «Международный логистический центр Цисуму», ориентированный на переработку импортных поставок масличных и зерновых культур, производство изделий из древесины и кожи.

7. Заключение

1. Результаты экспедиции подтвердили рабочую модель «финансы – логистика – администрирование» для объяснения механики Чайного пути: безналичные переводы пяхоао, караванная и портовая логистика и регуляторные практики поздней Цин образуют взаимосвязанную систему. Это переводит фокус с изолированных стоянок на сеть расчетных и учетных отношений, наложенных на транспортные плечи. Важную роль в системе цинских финансов играл так называемый институт гуаньси (кит. 关系 *guānxi*) — система частно-правовых и неофициальных денежно-имущественных отношений, основанных на личных, межклановых, гильдейских и земляческих связях.

2. Сформирована прикладная типология городов маршрута, задающая распределение функций: пограничный транзитный узел (Чжанцзякоу), морской интерфейс (Тяньцзинь), финансово-организационный кластер (Тайюань – Цисянь – Пинъяо), столичная административно-расчетная сцепка (Пекин), степные центры консолидации и переработки потоков (Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб). Такая рамка пригодна для картографирования и сопоставления исторических и современных цепочек.

3. Для финансового блока определены направления количественной реконструкции: реестр домов «*riàohào*» и их корреспондентов, атрибуция тарифов и комиссий, оценка доли безналичных расчетов в сезонной динамике чайной торговли. Музейные регистры и внутренние коды филиалов позволяют перейти от описательных кейсов к сопоставимым рядам.

4. В административном измерении выделены проверяемые гипотезы о влиянии приоритетов поздней Цин на трассировку и сезонность потоков. Полевые материалы по Пекину и Тяньцзиню задают точки входа в источники по пограничному режиму, почтово-ямской организации, складам и тарификации, что позволяет связать государственный спрос с конкретными маршрутами и терминалами.

5. Исторические ландшафты демонстрируют современную репрезентацию историко-экономического наследия. На примере посещенных населенных пунктов показано, как «бренд Чайного пути» встраивается в городские стратегии через культурные кластеры и туризм; для оценки эффектов предлагаются метрики занятости, малого бизнеса, посещаемости и городских доходов, сопоставимые с индустриальными трансформациями степного узла.

6. Сопряжение с Монгольским коридором приобретает институциональную форму: установленные партнерства и планы оцифровки источников создают инфраструктуру знаний для «сшивки» исторической сети с современными коридорами. Это позволяет тестировать совместимость норм и режимов транзита, а также измерять преемственность узлов, транспортных плеч и терминалов.

7. Данные проведенной экспедиции подтверждают научный потенциал темы «Великого чайного пути», открывают новые возможности для углублен-

ного изучения происхождения чая, его изготовления, сортировки и упаковки для доставки на крупные торговые рынки евразийского континента и за его пределами. Возникает необходимость организации новой исследовательской экспедиции по южным провинциям Китая для выявления глубинной роли «чая» как исторического феномена в налаживании и установлении межстрановых и трансграничных взаимодействий России, Монголии и Китая.

Литература

- Лю 2009 — Лю Ц. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 63–75.
- Мишакова 2011 — Мишакова О. Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2011. № 7. С. 46–50.
- Непомнин 2005 — Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Силин 1947 — Силин Е. П. Русско-китайская торговля через Кяхту. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1947. 204 с.
- Сладковский 1974 — Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. Т. 2: 1917–1974. М.: Наука, 1974. 367 с.
- Субботин 1892 — Чай и чайная торговля в России и других государствах: Производство, потребление и распределение чая / составил А. П. Субботин. СПб.: Изд. А. Г. Кузнецова, Тип. Северн. телеграф. агентства, 1892. 722 с.
- Усадьба 2013 — Усадьба клана Цяо / Чэнь Цзе, Чжан Синь. Тайюань: Шаньси цзинцзи чубаньшэ (Экономика Шаньси), 2013. 200 с.
- Хохлов 1989 — Хохлов А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е годы XVIII в. – середина XIX в. // Бурятия XVII – начала XX в.: Экономика и социально-культурные процессы: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1989. С. 15–50.

References

- Liu Z. Tea Trade between China and Russia. *Theory and Practice of Social Development*. 2009. No. 2. Pp. 63–75. (In Russ.)
- Mishakova O. E. Kyakhta: From Caravan Trade to Freeport. From the History of Trade Relations between Russia and China in the 18th and First Half of the 19th Centuries. *BSU Bulletin. Philosophy*. 2011. No. 7. Pp. 46–50. (In Russ.)
- Nepomnin O. E. History of China: The Qing Era. 17th – early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Silin E. P. Russian-Chinese Trade through Kyakhta. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe Knizhnoe Izdatelstvo, 1947. 204 p. (In Russ.)
- Sladkovsky M. I. History of Trade and Economic Relations between the Peoples of Russia and China. Vol. 2: 1917–1974. Moscow: Nauka, 1974. 367 p. (In Russ.)
- Subbotin A. P. Tea and Tea Trade in Russia and other Countries. Production, Consumption and Distribution of Tea. A. Subbotin (comp.). St. Petersburg: A. G. Kuznetsov, 1892. 722 p. (In Russ.)
- The Estate of the Qiao Clan. Chen Jie, Zhang Xin. Taiyuan: Shanxi jingji chubanshe (“Shanxi Economy”), 2013. 200 p. (In Chn.)
- Khokhlov A. N. Kyakhta and Kyakhta Trade (1720s – mid-19th century) Buryatia of the 17th – early 20th Centuries: Economy and Socio-cultural Processes: Collection of Scientific Papers. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 15–50. (In Russ.)

- Шишмарев 1886 — *Шишмарев Я. П.* Записка действительного статского советника Шишмарева 27 февраля 1886 г. // Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева. Некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях: (к 160-летию Генерального консульства России в Монголии) / сост. А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: БГУ, 2021. С. 97–175.
- Shishmarev Ya. P., Note by Acting State Councilor Shishmarev on February 27, 1886. Mongolia in the Writings of the Consul General of the Russian Empire in Urga, Ya. P. Shishmarev. Some Thoughts on Russia's Right to Amur in Documents and Publications: (on the 160th Anniversary of the Russian Consulate General in Mongolia) A. Shinkova, Yu. Kuzmin (comp.). Irkutsk: Baikal State University, 2021. Pp. 97–175. (In Russ.)
- Ji 2003 — *Ji Z.* A History of Modern Shanghai Banking: The Rise and Decline of China's Finance Capitalism. Armonk; London: M. E. Sharpe, 2003. 325 p.
- Ji Z. A History of Modern Shanghai Banking: The Rise and Decline of China's Finance Capitalism. Armonk; London: M. E. Sharpe, 2003. 325 p. (In Eng.)
- Perdue 2005 — *Perdue P. C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 752 p.
- Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 752 p. (In Russ.)
- Schorkowitz, Chia 2017 — *Schorkowitz D., Chia N.* (eds.). Managing frontiers in Qing China: the Lifanyuan and Libu revisited. Leiden: Brill, 2017. 462 p.
- Schorkowitz D., Chia N. Managing Frontiers in Qing China: the Lifanyuan and Libu Revisited. Leiden: Brill, 2017. 462 p. (In Eng.)
- Yanagisawa 2019 — *Yanagisawa A.* Qing "Government Caravans" in Kiakhta (1760–1778) // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 2019. Vol. 77. Pp. 79–100.
- Yanagisawa A. Qing "Government Caravans" in Kiakhta (1760–1778). *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 2019. Vol. 77. Pp. 79–100. (In Eng.)